

·thebigbook·

Кейт Аткинсон

МУЗЕЙ
МОИХ
ТАЙН

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
BEHIND THE SCENES AT THE MUSEUM
Copyright © 1995 by Kate Atkinson
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-11812-6

© Т. Боровикова, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Еве и Хелен

*Моей подруге Фионе Робертсон —
с благодарностью за всю помощь*

Глава первая

1951

ЗАЧАТИЕ

Я существую! Меня зачали под полночный бой часов, что стоят на каминной полке в соседней комнате (через площадку). Часы когда-то принадлежали моей прабабушке Алисе, и их усталый бой отсчитывает мое пришествие в мир. Меня начинают творить с первым ударом и заканчивают с последним, когда отец скатывается с матери и погружается в сон без сновидений (благодаря пяти пинтам «лучшего горького эля Джона Смита», выпитым в «Чаше пунша» в компании друзей, Уолтера и Бернарда Беллинга). Когда я перехожу из небытия в бытие, моя мать притворяется спящей — как она часто делает в такие моменты. Отец, однако, неробкого десятка, и подобным его не смутить.

Моего отца зовут Джордж, и он на добрых десять лет старше матери, которая сейчас сопит на соседней подушке. Мать зовут Бернис, но ее никто не называет иначе как Банти.

«Банти» никогда не казалось мне особенно взрослым именем, но было бы мне лучше, родись я у матери, которую зовут по-другому? У простецкой Джейн? У Марии, воплощенного материнства? Или у какой-нибудь иной, романтической, не так напоминающей комикс для девочек, — Авроры, Камиллы? Но уже поздно. Конечно, еще несколько лет Банти суждено зваться исключительно «мамой», но настанет день, когда все существительные с этим корнем (мать, маман, мамочка, мамуля) меня уже не будут удовлетворять

и я практически совсем перестану к ней обращаться. Бедная Банти.

Место, где мы живем, называется «Над Лавкой» — это не совсем точно, так как наши кухня и столовая находятся на одном уровне с Лавкой и в топографию включается также прилегающая область, Задний Двор. Лавка (зоомагазин) располагается в лабиринте древних улочек, сжавшихся у подножия грозной громады Йоркского собора. На этой улице жили первопечатники и мастера-витражники, что наполнили окна города разноцветными лучами. Девятый Испанский легион, покоритель севера, маршировал по нашей улице, *via praetoria* великой твердыни римлян, в обе стороны, прежде чем уйти насовсем. Здесь родился Гай Фокс¹, за несколько улиц отсюда повесили Дика Тёрпина², и Робинзон Крузо, другой великий герой, тоже здешний уроженец. Уже не разберешь, кто из них реальные люди, а кто — плод воображения.

Улицы пропитаны историей; дому, занятому нашей Лавкой, несколько сотен лет, стены его крелятся, а полы идут под уклон, как в средневековой комнате смеха. Это место было впервые застроено еще во времена римлян, и, само собой, здесь полно обитателей, которые легче воздуха, — они обвиваются вокруг осветительной арматуры или мрачно повисают в пустоте за спиной у кого-нибудь из нас. Гуще всего они кишат на лестницах, которых в доме много. Им есть о чем посплетничать. Их можно услышать, если хорошенько постараться, — плещут весла викингов, грохочет по булыжной мостовой харрогейтский дилижанс, шаркают ноги на балу в Ассамблее, скрипит перо преподобного Стерна.

---

¹ *Гай Фокс* (1570–1606) — дворянин-католик, самый известный участник Порохового заговора против Иакова I, короля Англии и Шотландии. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

² *Дик Тёрпин* (1705–1739) — знаменитый английский разбойник, ставший персонажем фольклора.

«Над Лавкой» — не только обозначение положения в пространстве, но и название королевства — самодостаточного, кипящего жизнью, со своими примитивными законами и двумя претендентами на корону, Банти и Джорджем.

После зачатия Банти раздражительна, но ей вполне удобно в этом состоянии. Она долго вертится с боку на бок и наконец впадает в беспокойный сон, полный сновидений. Империя снов предлагает ей в эту ночь — первую ночь в роли моей матери — обширный каталог, из которого Банти выбирает мусорные ящики.

В этом мусорном сне она пытается перетащить два тяжелых ящика по Заднему Двору. Время от времени злобный порыв ветра залепляет ей глаза и рот ее же волосами. Банти особенно остерегается одного мусорного ящика: она подозревает, что он обретает личность, которая зловецим и непостижимым образом сходна с Джорджем.

Банти с силой налегает на ящик, но не справляется, и тот падает с грохотом оцинкованного металла — ТРРРАХ! ЛЛЯЗГ! — рассыпая содержимое по бетонному покрытию двора. Мусор — в основном из Лавки — теперь валяется повсюду: пустые мешки из-под «Уилсоновской смеси для выпечки собачьих галет», сплюснутые пакеты из-под птичьего корма, жестянки «Китикэт» и «Чаппи», аккуратно заполненные картофельными очистками и яичной скорлупой, а также загадочными газетными сверточками, словно скрывающими ампутированные конечности младенцев. Несмотря на хаос, во сне Банти розовеет от удовольствия, до того аккуратно выглядит ее мусор. Она принимается его подбирать, но чувствует какое-то движение за спиной. О нет! Даже не поворачиваясь, она знает, что это ящик-Джордж: он вырос до исполинских размеров и теперь высится над ней, намереваясь втянуть ее в мрачные металлические глубины...

Я почему-то уверена, что этот сон не предвещает мне ничего хорошего. Я хочу мать, которой снится другое. Облака, подобные мороженому, радуги, похожие на разноцветные карамельки, солнце, как золотая колесница, пересекающая небо... Но как бы там ни было, это начало новой эры. Сегодня третья мая — чуть позже в этот день Его Величество Король проведет церемонию открытия Британского фестиваля, а за окном уже гремит рассветный хор, приветствуя мое собственное прибытие.

К фанфарам птиц в саду почти сразу присоединяется скрежет Попугая в Лавке, а потом — ДРРРРРЫНЬ! — звонит будильник, и Банти просыпается с легким вскриком, прихлопывая кнопку. Она неподвижно лежит еще с минуту, прислушиваясь к дому. «Купол открытый» скоро огласится эхом радостных криков счастливых англичан, уверенно глядящих в завтрашний день, но в нашем доме все тихо, если не считать отдельных птичьих трелей и чирикания. Даже наши привидения спят — свернувшись в углах или растянувшись на карнизах.

Тишину нарушает Джордж — он внезапно всхрюкивает во сне. На этот звук реагирует примитивная часть его мозга, и он выбрасывает вбок руку, прижимая Банти к постели, и начинает исследовать, что под руку попало (живот, который не очень вдохновляет, зато содержит в себе мой собственный личный «Купол открытый»). Банти выворачивается из-под руки: она уже вытерпела один сеанс супружеской ласки (меня!), не прошло и двенадцати часов, а чаще раза в день — это неестественное излишество. Банти направляется в ванную комнату, где резкий верхний свет рикошетит от черно-белой плитки и хромированной арматуры и бьет по утренней коже Банти в зеркале, образуя жутковатый рельеф — лужицы света и темные впадины. Банти похожа то на череп, то на собственную мать. Она не может решить, что хуже.

Она энергично чистит зубы, изгоняя вкус прокуренных Джорджевых усов, а потом — чтобы обрести приличный вид (это понятие очень важно для Банти, хоть она и не могла бы сказать, для кого именно предназначается приличие) — рисует на лице рубиново-красную улыбку прелестной формы и ухмыляется в зеркало, оттянув губы, чтобы проверить, нет ли помады на зубах. Ей в ответ ухмыляется вампир, но в целлулоидных грезах Банти она в образе Вивьен Ли закручивает пируэт у большого напольного зеркала.

Теперь она готова встретить этот день — первый день в роли моей матери. Она спускается по скрипучим ступенькам (в стране грез это огромная величественная лестница усадьбы плантатора — мне еще предстоит обнаружить, что Банти много времени проводит в альтернативной вселенной собственных мечтаний). Банти движется очень тихо, так как не хочет никого будить, особенно Джиллиан. Джиллиан требует много внимания. Она моя сестра. Ей почти три года, и она очень удивится, когда узнает обо мне.

Наслаждаясь кратким утренним одиночеством, Банти ставит чайник на кухне, расположенной в задней части Лавки. Через минуту она понесет Джорджу чай в постель — не из альтруистических побуждений, но лишь для того, чтобы муж чуть подольше не путался у нее под ногами. Моя бедная мать страшно разочарована своим браком: он изменил ее жизнь исключительно к худшему. Настроившись на ее волну, я слышу бесконечный монолог-жалобу на рутину хозяйственной жизни: «Почему мне заранее не сказали, каково это? Готовка! Уборка! Вся работа по дому!» Мне уже хочется, чтобы она перестала жаловаться и начала снова грезить, но она никак не остановится: «А дети... это уж совсем... сон урывками, борьба за то, кто в доме главный... а уж рожать!» Она обращается

непосредственно к правой ближней конфорке плиты, мотая головой — очень похоже на Попугая в Лавке. «Ну хоть через это мне больше не придется проходить...» (Сюрприз!)

Чайник свистит, Банти наливает кипяток в коричневый чайничек и бездумно облакачивается на плиту, ожидая, пока чай заварится. Лицо сбежалось к середине — Банти чуть заметно хмурится, пытаясь вспомнить, зачем, собственно, она вышла за Джорджа.

Джордж и Банти познакомились в 1944 году. У нее был другой поклонник, который нравился ей больше, — Бак, сержант американской армии (моя бабушка так же мучилась, выходя замуж во время войны), но Баку оторвало ступню, когда он, как дурак, забавлялся с противопехотной миной («Эти американцы, они на что угодно пойдут ради ржачки», — с отвращением высказался Клифффорд, брат Банти), и его отправили домой, в Канзас. Банти довольно долго ждала письма, в котором Бак предложит ей разделить с ним горе и радость в Канзасе, но он так и не написал. Так что Банти досталась Джорджу. В конце концов Банти решила, что Джордж с двумя ногами — более верное дело, чем Бак с одной, но теперь она уже не так в этом уверена. (Бак и Банти! Какая вышла бы восхитительно созвучная пара — я их прямо так и вижу.)

Подумайте, насколько другой была бы наша жизнь, если бы Бак увез Банти в Канзас! Особенно моя. В 1945 году отец Джорджа погиб, упав под трамвай во время однодневной экскурсии в Лидс, и к Джорджу перешел семейный бизнес, лавка под названием «Любимцы». Джордж женился на Банти, полагая, что она будет большим подспорьем в лавке (потому что она когда-то работала в магазине), но понятия не имел, что Банти после замужества вообще не собиралась работать. Этот конфликт между ними неистощим.

Чай заварился. Банти мешает ложечкой в коричневом чайничке и наливает себе чашку. Первая в моей жизни чашка чаю. Банти садится у кухонного стола и снова принимается грезить, улетая за пределы канзасской неудачи и свадьбы с Джорджем (сэндвичи с ветчиной и чай) в иные места, где воздушная вуаль трепещет на летнем ветерке, а под вуалью сама Банти в воздушном же платье из органзы, с талией восемнадцати дюймов в обхвате и другим носом. Мужчина рядом с ней невероятно красив и удивительно похож на Гэри Купера¹, в то время как Банти отчасти напоминает Селию Джонсон². Огромное облако флердоранжа угрожает поглотить их, пока они сливаются в страстном объятии и поцелуе... и вдруг нашу героиню выдергивают из мира грез в реальность — кто-то тянет ее за халат и поет не слишком приятным голосом.

Это она! Это моя сестра! Она карабкается на Банти — пухлые ручки, мягкие ножки, сладкие сонные детские запахи. Она лезет на Эйгер³ материнского тела и прижимает заспанное лицо к холодной шее Банти. Банти разжимает кулачки, в которых зажаты пряди ее волос, и спускает Джиллиан на пол.

— Слезай, — мрачно говорит Банти. — Мамочка думает.

(На самом деле мамочка думает о том, что хорошо бы вся ее семейка исчезла с лица земли — тогда можно было бы начать все заново, с чистого листа.) Бедная Джиллиан.

Но Джиллиан не дает себя долго игнорировать — она не из таких, — и едва мы успеваем отхлебнуть

---

¹ *Гэри Купер* (1901–1961) — знаменитый американский актер, дважды лауреат «Оскара».

² *Селия Джонсон* (1908–1982) — британская актриса театра, кино и телевидения, в 1945 г. номинировавшаяся на «Оскар» за роль в фильме Дэвида Лина «Короткая встреча».

³ *Эйгер* — вершина в Швейцарских Альпах.

свой первый глоток чаю, как вынуждены все бросить и обслуживать сестру. На завтрак Банти готовит овсянку, тосты и вареные яйца. Джордж терпеть не может овсянку — он любит бекон, колбасу, поджаренный на сковороде хлеб, но у Банти сегодня утром что-то крутит живот (я посвящена во многие секреты ее тела). «Хочет — пускай сам готовит», — бормочет она, вываливая в миску порцию каши (с комками), предназначенную для Джиллиан. Накладывает вторую порцию для себя — она решает, что немного овсянки осилит. А потом — третью порцию. А это для кого? Для домовых? Неужели для меня? Нет, конечно! Сюрприз — у меня есть еще одна сестра! Это хорошая новость, хотя сама сестра выглядит несколько уныло. Она уже умыта и одета в школьную форму, и даже волосы — подстриженные в прямое каре, которое ей совсем не идет, — причесаны. Ей всего пять лет, и зовут ее Патриция. Она разглядывает кашу в миске, и на некрасивом маленьком личике отражается что-то вроде отчаяния. Это потому, что она ненавидит овсянку. Джиллиан глотает свою, как жадная утка в ее книжке «Жадная утка» из серии «Божья коровка».

Патриция решается заявить матери:

— Я не люблю овсянку.

Она впервые в жизни пробует пойти на прямую конфронтацию по поводу овсянки. Обычно она только возит в каше ложкой, пока время завтрака не истекает окончательно и бесповоротно.

— Пар-дон? — произносит Банти. Слоги падают на линолеум, как сосульки (по утрам наша мать не слишком приятна в общении).

— Я не люблю овсянку, — повторяет Патриция уже с некоторой опаской.

Стремительное, как бросок змеи, шипение в ответ:

— А я не люблю маленьких детей, так что, считай, тебе не повезло.

Она, конечно, шутит. Правда же?

А почему у меня такое странное ощущение? Словно мне пришили к спине мою же собственную тень. Как будто тут, рядом со мной, кто-то есть. Неужели меня преследует мое личное зачаточное привидение?

— Бант, пригляди за Лавкой!

(Бант?! Это еще хуже!)

И ушел. Ни здравств, ни до свидания! Банти обиженно дуется. «Мог бы по крайней мере спросить: „Банти, ты не против вместо меня пригладеть за Лавкой?“ Я, конечно, против, и еще как. Но почему это называется „пригладеть“? Всем же ясно, что одним взглядением тут не ограничиться».

В стоянии за прилавком Банти видит некую непристойную неразборчивость. Она чувствует, что продает на самом деле не канареек и не корм для собак, а себя. Во всяком случае, когда она работала на мистера Саймона («Моделия — дамская модная одежда высшего качества»), то продавала всем понятные, необходимые вещи, такие как платья, корсеты и шляпки. А кому может быть необходима канарейка? И более того, приходится все время быть со всеми вежливой, а это неестественно. (Джордж, напротив, прирожденный лавочник, он болтает с покупателями как заведенный, двадцать раз за утро повторяет одну и ту же реплику о погоде, льстиво улыбается, а потом, стоит ему выйти за кулисы, сдирает с себя эту маску. Дети лавочников — вот как я, например, и как Чехов — на всю жизнь травмированы видом своих унижающихся, угодливых родителей.)

Банти решает, что непременно скажет что-нибудь Джорджу. Она мать и жена, а не девчонка на побегушках. И вообще, куда это он все время ходит? Вечно «выскальзывает на минутку» по каким-то загадочным делам. Если Банти добьется своего, она многое

изменит. Она сидит за прилавком и щелкает вязальными спицами номер девять, словно вязальщица времен Французской революции у гильотины, на которой должны казнить Джорджа. Ей бы следовало вязать мое будущее — крохотные вещички, кружевные шали, утренние кофточки с продернутыми в них розовыми ленточками. Волшебные красные пинетки, которые помогут мне в пути. Наш Кот — толстый, пятнисто-полосатый, принадлежность Лавки, проводящий целые дни в неодобрительном созерцании окружающей среды, — прыгает Банти на колени, и она тут же смахивает его на пол. Иногда Банти кажется, что весь мир только и норовит на нее вскарабкаться.

— Лавка! — это вернулся Джордж; канарейки в клетках вспархивают и трепещут.

«Лавка!» Почему «Лавка»? Джордж и Банти всегда это восклицают, входя через переднюю дверь Лавки, — но ведь что-то такое должен говорить клиент, а вовсе не продавец? Обращаются они к Лавке в звательном падеже («О Лавка!») или же именуют в именительном? Напоминают Лавке о ее существовании? Убеждают себя в ее существовании? Притворяются покупателями? Но какой смысл притворяться тем, кого ненавидишь? Я боюсь, что восклицание «Лавка!» навеки останется экзистенциальной тайной.

Но теперь мы уже не прикованы, как рабы цепью, к прилавку (Банти только что продала Нашего Кота, но ничего не говорит об этом Джорджу; бедный кот) и можем отправиться исследовать бескрайний мир, лежащий за пределами дома. Сперва надо пройти через ритуал одевания Джиллиан, чтобы она смогла выжить во враждебной атмосфере внешнего мира. Банти не доверяет месяцу маю и потому надевает на Джиллиан атласный корсаж, надежно пристегивая шлейками. Затем нижнюю юбку, толстую красную кофту джерси, связанную неумоимыми руками Банти, потом юбку из шотландки цветов королевского рода

Стюартов и длинные белые хлопчатобумажные гольфы, которые режут пухлые ножки Джиллиан едва ли не пополам. Последними идут бледно-голубое пальто с белым бархатным воротником и белый шерстяной чепчик с лентами, врезающимися в пухлый подбородок. Я, с другой стороны, свободно плаваю в невесомости, обнаженная и ничем не приукрашенная. Никаких перчаток и чепчиков — лишь теплое, уютное укрытие в теле Банти, пока не знающем о том, какой драгоценный груз оно в себе носит.

Безовсяночную Патрицию уже пару часов назад спешно оттащил в школу отец. Сейчас она стоит на школьном дворе, пьет молоко из фляжки, повторяет в уме таблицу умножения на четыре (она очень прилежная ученица) и пытается понять, почему никто никогда не приглашает ее попрыгать вместе с ними через скакалку. Всего пять лет — и уже изгой! Три пятах нашего семейства сейчас шествует по Блейк-стрит к Музейным садам, — точнее, Банти шествует, я плаваю, а Джиллиан едет на новеньком трехколесном велосипеде «Три-анг»: она не согласилась выходить из дому без него. Банти кажется, что в парках есть некое излишество, декадентство. Парки — это дыры в ткани вселенной, не заполненные ничем, кроме воздуха, света и птиц. Уж наверно, время, проводимое в парках, следовало бы наполнить чем-нибудь более полезным — хотя бы работой по дому?

Работа по дому должна делаться. С другой стороны, детей положено водить на прогулку в парк — Банти внимательно изучила раздел «Уход за ребенком» в своей «Энциклопедии домашнего хозяйства», а там именно так и написано. Поэтому она неохотно выделяет, отрывая от себя, время для поглощения свежего воздуха и платит драгоценные шесть пенсов на входе в Музейные сады, гарантируя исключительное качество этого самого воздуха.

Мой первый день! Все деревья в Музейных садах покрыты свежими листочками, а небо высоко у Банти над головой такое синее, что кажется, можно рукой потрогать. Банти, однако, не пробует. Пушистые белые облачка, подобно ягням, играют в чехарду. Мы в раю-кватроченто¹. Птицы над нами пикируют, щебечут, ведут радостный хоровод, напрягая крохотные летательные мускулы, — миниатюрные ангелы Благовещения, пернатые Гавриилы, явились возвестить мое прибытие в этот мир! Аллилуйя!

Впрочем, Банти их не замечает. Она смотрит на Джиллиан, которая старательно следует каждому повороту и отклонению тропы, словно руководствуясь некой собственной волшебной тантрой. Я беспокоюсь, как бы Джиллиан не застряла меж цветочных клумб. За оградой парка виднеется широкая спокойная река, а впереди — бледные ажурные руины аббатства Святой Марии. Павлин, скрежеща, взлетает со стены древнего города, где устроил себе насест, и приземляется на траву у наших ног. О дивный новый мир, в котором живут такие твари!

Двое мужчин, которых мы назовем Берт и Альф, косят траву в парке огромной газонокосилкой. При виде Джиллиан они временно бросают работу, облокачиваются на косилку и с нескрываемым удовольствием наблюдают, как Джиллиан едет. Берт и Альф воевали в одном полку, танцевали под Ала Боулли² на одних и тех же танцуйках, вместе ухаживали за девушками (очень похожими на Банти), а теперь вместе косят траву. Им кажется, что жизнь обошлась с ними отчасти несправедливо, но вид Джиллиан их почему-то с этим примиряет. («Кто родился в субботу, живет весь век без заботы» — это про Джиллиан, кото-

---

¹ *Кватроченто* — раннее итальянское Возрождение (XV в.).

² *Ал (Альберт Эллик) Боулли* (1898–1941) — популярный певец и композитор, руководитель джаз-оркестра.

рая действительно родилась в субботу и в 1951 году все еще сохраняет детскую жизнерадостность. К сожалению, это ненадолго.) Наша Джиллиан, обещание будущего, — чистенькая и новенькая, как булавка или брусок мыла только что из обертки, — символизирует все, за что они сражались в эту войну. (Будущее оказалось не ахти каким — в 1959 году Джиллиан погибнет под колесами бледно-голубого «хиллмана-хаски», но кто мог об этом знать? Члены нашей семьи генетически предрасположены к несчастным случаям, причем наиболее популярны попадание под машину и увечья при взрыве.)

Банги (нашу мать, цвет английской женственности) внимание Берта и Альфа раздражает. (Интересно, она вообще умеет испытывать какие-нибудь другие чувства?) «Да косите уже свою дурацкую траву», — думает она, пряча эту мысль за ослепительной деланой улыбкой.

Пора уходить! Банги надоело бездельничать, и нам надо идти за покупками — в чужие лавки. Банги готовится к воплям Джиллиан, потому что Джиллиан, без сомнения, будет вопить. Банги умудряется вытащить Джиллиан из клумб и поставить на прямую дорогу, но Джиллиан не знает, что теряет драгоценное время, а потому едет медленно, с частыми остановками — любит цветы, подбирает камушки, задает вопросы. Банги удерживает на лице безмятежное благожелательное выражение Мадонны, пока может, но скоро ее раздражение перекипает через край, и она дергает руль велосипеда, чтобы ускорить продвижение. Следует катастрофа: Джиллиан валится на землю аккуратной бело-голубой кучкой, одновременно втягивая воздух и пронзительно вопя. Я в отчаянии: неужели я смогу когда-нибудь такому научиться?

Банги рывком ставит дочь на ноги, притворяясь, что не видит ссадин на нежных коленках и ладонках. (Когда кто-то дает знать, что ему больно, или вообще

испытывает какие бы то ни было чувства, Банти ведет себя так, словно имеет дело с душевнобольным.) Однако она, зная, что на них смотрят Берт и Альф, быстро изображает на лице снисходительную улыбку («Что же это ты такая рева-корова») и шепчет на ухо Джиллиан, что если та перестанет реветь, то получит конфету. Джиллиан немедленно засовывает кулак в рот. Хорошей ли сестрой она будет? Хорошая ли мать — Банти?

Банти выходит из парка с высоко поднятой головой, одной рукой волоча Джиллиан, а другой — велосипед. Берт и Альф молча принимаются косить траву. Легкий ветерок ерошит молодые листики на деревьях и обнаруживает на скамье забытую утреннюю газету. На первой полосе заманчиво трепещет фотография башни «Скайлон», словно видение из города будущего, научно-фантастической страны Оз. Меня это не сильно интересует — я неловко ерзаю в ванне из ядовитых химикалий, только что выработанных организмом Банти из-за истории с велосипедом.

— Ну что, дорогая, чего вы желаете? — голос мясника наполняет лавку грохотом. — Хорошенький кусочек красного мяса, а?

Он похабно подмигивает моей матери — она притворяется глухой, но все остальные слушатели хихикают или ржут. Покупатели любят Уолтера, а он ведет себя как мясник в кинокомедии — грубая пародия на себя самого в заляпанном кровью бело-синем фартуке и соломенной шляпе. Он кокни, а это уже само по себе что-то опасное и неизвестное для нас, уроженцев древней сердцевины Йоркшира. В личном словаре животных Банти (все мужчины — скоты) мясник — свинья, с гладкой, лоснящейся кожей, туго обтянувшей мягкую, как масло, пухлую плоть. Банти (она в очереди первая) максимально нейтральным тоном просит немного бифштекса и почек, но мясник гого-

чет, как будто она сказала что-то чрезвычайно двусмысленное.

— Чтоб у мужа все работало как следует, а? — взрывает он.

Банти, чтобы скрыть румянец неловкости, присаживается на корточки, делая вид, что у Джиллиан развязался шнурок.

— Для такой красотки — все, что угодно!

Уолтер ухмыляется ей, а потом, внезапно и пугающе, достает откуда-то огромный нож и принимается его точить, не сводя глаз с Банти. Она сидит на корточках рядом с Джиллиан и тянет время сколько может, притворяясь, что беседует с ней, кивая и улыбаясь, словно Джиллиан говорит что-то чрезвычайно интересное. (На самом деле, конечно, Банти никогда не обращала внимания ни на какие наши слова, кроме тех, которые находила непочтительными или неприличными.)

Мясник принимается очень громко насвистывать арию тореадора из «Кармен» и устраивает целый спектакль, взвешивая на ладони большую, тяжелую говяжью почку.

— Уолтер, тебе бы в театре выступать, — кричит кто-то с другого конца лавки, и все покупатели согласо бормочут.

Банти, уже снова принявшую вертикальное положение, посещает неприятная мысль: почка, которую Уолтер небрежно перекидывает из руки в руку, странно похожа на пару тестикул. (Впрочем, слова «тестикулы» Банти не знает — она принадлежит к поколению женщин, не слишком сведущих в терминологии.)

Ее бы воля, она ходила бы к другому мяснику, но лавка Уолтера находится рядом с нашей, и он не просто коллега-лавочник, но еще и друг Джорджа, хотя для Банти — в лучшем случае знакомый. Банти нравится слово «знакомый», оно звучит великосветски и не подразумевает тягостных затрат времени, в отличие

от слова «друг». Но как ни называй Уолтера, держать его на расстоянии очень трудно, и Банти убедилась в этом на горьком опыте: он уже пару раз зажимал ее за машинкой для набивки колбас в задней части лавки. Джордж и Уолтер оказывают друг другу «услуги» — вот сейчас это делает Уолтер, проявляя ловкость рук на виду у целой очереди покупателей и отвешивая Банти гораздо больше мяса, чем ей положено по мясной карточке. Уолтер пользуется репутацией бабника, и Банти не слишком радуется, что Джордж проводит время вместе с ним. Джордж на словах не одобряет «эти гадости», но Банти подозревает, что думает-то он совсем другое. Другой приятель-лавочник Джорджа, Бернард Беллинг, торгует сантехнической арматурой и, в отличие от Уолтера, не вылетает все время в разговор непристойные намеки.

Банти берет мягкий сверток мяса в бумаге, избегая взгляда Уолтера и вместо этого даря застывшей улыбкой пустую брюшную полость овечьей туши, висящей за его левым плечом. Банти выходит молча, но внутри нее ярится молчаливая Скарлетт, негодуяски вскидывая голову, — она вылетает из магазина, взметнув ворох юбок и на прощание посылая мясника в преисподнюю.

После мясника мы отправляемся к булочнику Ричардсону и берем у него большую буханку хлеба, присыпанную белой мукой. Пирогов мы не покупаем, так как Банти считает, что для хозяйки подавать дома покупные пироги — крайняя степень морального падения. Потом мы заходим к Хэннону за яблоками, ранней капустой и картошкой, потом к Бордерсу за кофе, сыром и маслом, которое торговец достает из лоханки и обхлопывает ножом, чтобы придать ему форму. К этому времени мы все, похоже, устали, и Банти вынуждена беспрестанно пилить Джиллиан, чтобы та ехала на велосипеде вверх по Джиллигейт и вдоль по Кларенс-стрит к нашему последнему месту назначе-

ния. Джиллиан красна, как вареный рак, и, кажется, жалеет, что добилась возможности взять на прогулку велосипед. Ей приходится налегать на педали изо всех сил, чтобы поспеть за раздраженной (я это чувствую) Банти.

Наконец мы добираемся до Лоутер-стрит и приземистого таунхауса, в котором живет Нелл. Нелл — моя бабушка, мать Банти и дочь Алисы. Вся ее жизнь определяется ее родственными отношениями с другими людьми:

Мать: Клиффорда, Бэбс, Банти, Бетти и Теда.

Дочь: Алисы.

Приемная дочь: Рейчел.

Сестра: Ады (покойной), Лоуренса (предположительно покойного), Тома, Альберта (покойного), Лилиан (все равно что покойной).

Жена: Фрэнк (покойного).

Бабушка: Адриана, Дейзи, Розы, Патриции, Джиллиан, Юэна, Хоуп, Тима... а теперь еще и МОЯ!

У Банти урчит в животе, и этот звук кажется мне громовым. Уже почти время обеда, но Банти даже страшно подумать о том, чтобы что-нибудь съесть. Моя новоявленная бабушка дает Джиллиан стакан ярко-оранжевой воды «Киа-Ора», а нам — печенье из аррорутовой муки и кофе «Кэмп», который она кипятит в кастрюльке со стерилизованным молоком из консервной банки. Банти чувствует, что ее сейчас стошнит. Ей кажется, что у нее на коже остался запах мясной лавки — опилок и тухлятины.

— Ну как, мама, у тебя все хорошо? — спрашивает Банти, не ожидая ответа.

Нелл маленькая и какая-то плоская, словно двумерная. В качестве родни она не очень впечатляет.

Банти замечает муху, которая нацелилась на аррорутное печенье. Она хватает мухобойку, которая у Нелл всегда наготове, и ловко уничтожает муху.

Долю секунды назад муха была жива и здорова, а теперь ее нет. Меня вчера не было на свете, а сегодня я существую. Жизнь — удивительная штука, правда?

Нелл уже устала от Банти и беспокойно ерзает в глубинах кресла, ожидая, когда мы наконец уйдем и она сможет спокойно послушать радио. Банти чувствует прилив тошноты (из-за моего прибытия в этот мир), а Джиллиан выпила «Киа-Ора» и намерена отомстить миру. Она играет с бабушкиной шкатулкой, где лежат пуговицы, выбирает себе одну — розовую, стеклянную, в форме цветка (см. *Сноску (i)*) — и осторожно, обдуманно глотает. Это самая близкая замена конфеты, обещанной ей в Музейных садах нашей забывчивой матери, — ничего другого Джиллиан не получает.

— Чертов попугай! — Джордж держит на весу клюнутый палец.

Банти равнодушно издает сочувственные звуки. (Как уже отмечалось, сострадание к чужой боли нельзя назвать ее сильной стороной.) Она по локти утопает в смеси муки с нутряным салом, и ее опять тошнит. Она с отвращением смотрит на Джорджа, который хватается булочку с «волшебной глазурью» (мы убили полдня после обеда на то, чтобы их испечь) и глотает в один прием, даже не разглядев.

Вторая половина дня оказывается разочарованием. Мы снова пошли по магазинам, но купили только шерсть какого-то навозного цвета — в лавке у робкой старухи, по сравнению с которой Уолтерова театральная манера торговли заиграла гораздо более приятными красками. Я надеялась, что мы, может быть, зайдем в цветочную лавку и отпразднуем мое прибытие цветами, парой гирлянд, букетом радости и роз, но не тут-то было. Я все время забываю, что обо мне еще никто не знает.

Мы зашли за Патрицией в школу, но это тоже оказалось не очень интересно.

— Что вы сегодня делали?

— Ничего. — Патриция пожимает плечами.

— А чем вас кормили на обед?

— Не помню. — Снова то же движение.

— А ты играла с какими-нибудь девочками?

— Нет.

— Патриция, что ты все время жмешь плечами!

Банти рубит ножом почку, покрытую кровавой блестящей коркой. Мысль о тестикулах не идет у нее из головы. Банти ненавидит готовить — это слишком похоже на вежливость или услуги другим людям. Вот опять... «Я всю жизнь провожу на кухне, я рабыня домашнего очага... прикована к плите... вся эта еда, день ото дня, и что дальше? Ее съедают, вот что! И даже спасибо не скажут!» Иногда, стоя у плиты, Банти ощущает страшное сердцебиение, — кажется, сейчас у нее оторвется крышка черепа, ураган вырвет ей мозг и разнесет в клочья все вокруг. (Наверно, все же хорошо, что она не поехала в Канзас.) Она не понимает, что с ней творится (пойди спроси Алису¹ — опять см. *Сноску (i)*), но сейчас это творится с ней опять, и потому, когда Джордж опять забредает в кухню, хватает еще одну булочку с «волшебной глазурью» и объявляет, что должен «пойти глянуть на одну сучку» (он даже подмигивает, когда это говорит, — мне все сильнее кажется, что мы застряли в какой-то дурацкой черно-белой кинокомедии), Банти оборачивается к нему искаженным лицом, на котором читается готовность убить, и вздымает нож словно для удара. Неужто враги подожгли великий город Атланту?

---

¹ *Go ask Alice* — анахронистическая раскавыченная цитата из песни «White Rabbit» (1967) калифорнийской группы *Jefferson Airplane*.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. 1951. Зачатие	7
<i>Сноска (i). Сельская идиллия</i>	28
Глава вторая. 1952. Рождение	42
<i>Сноска (ii). Застывшие мгновения</i>	49
Глава третья. 1953. Коронация	85
<i>Сноска (iii). Открыто как обычно</i>	102
Глава четвертая. 1956. Нарекание имен	125
<i>Сноска (iv). Славные птенчики</i>	144
Глава пятая. 1958. Интерлюдия	162
<i>Сноска (v). Дождь</i>	188
Глава шестая. 1959. Снежные перья	194
<i>Сноска (vi). Школьная экскурсия</i>	219
Глава седьмая. 1960. Пожар! Пожар!	226
<i>Сноска (vii). Цепелин!</i>	250
Глава восьмая. 1963. Кольца Сатурна	255
<i>Сноска (viii). Новые ботинки</i>	280
Глава девятая. 1964. Мы едем отдыхать!	284
<i>Сноска (ix). На воздусях, где ангели</i>	311
Глава десятая. 1966. Свадебный перезвон	322
<i>Сноска (x). Лилиан</i>	350
Глава одиннадцатая. 1968. Премудрость	364
<i>Сноска (xi). Чужая жизнь</i>	393
Глава двенадцатая. 1970. Ломаный английский	405
<i>Сноска (xii). 1914 — домой</i>	420
Глава тринадцатая. 1992. Искупление	424

Аткинсон К.

А 92 Музей моих тайн : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-11812-6

«Музей моих тайн» — дебютный роман прославленной Кейт Аткинсон, получивший престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Процальный вздох мавра» Салмана Рушди; ее цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), успевший полюбиться и российскому читателю, Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия».

Когда Руби Леннокс появилась на свет, отец ее сидел в пивной «Гончая и заяц», рассказывая женщине в изумрудно-зеленом платье, что не женат. Теперь Руби живет в тени йоркского собора, в квартирке над родительским зоомагазином, и пытается разобраться в запутанной истории четырех поколений своей семьи. Куда пропала прабабушка Алиса после того, как ее сфотографировал заезжий французский фотограф мсье Арман? Почему в пять лет Руби, ничего ей не объяснив, отправили жить к тете, и явно не на каникулы? Отыскивая дорогу в лабиринте рождений и смертей, тайн и обманов, девочка твердит себе: «Меня зовут Руби. Я драгоценный рубин. Я капля крови. Я Руби Леннокс».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ АТКИНСОН
МУЗЕЙ МОИХ ТАЙН

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Наталья Хуторная, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.07.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YMBB1983901R